

русского национального характера — готовность отдать жизнь за возможность, пусть краткую, развернуть во всю ширь свои силы, сжечь свое сердце в служении людям, познать блаженство самопожертвования во имя большой и желанной цели. Эта широта, этот духовный максимализм русского народа проявлялся в народных восстаниях, когда пугачевцы и разинцы, заведомо чувствуя, что не сносить им головы, все-таки шли в бой, ища в этом полноты жизни, презирая годы покорного и серого прозябания. Не зря Пушкин вложил в уста Пугачева сказочку о вороне, жуящем падаль и живущем тридцать лет, и орле, который предпочитает жить три года, но пить живую кровь... А уж и сокол? А сколько русских женщин, разрывая путы домостроевских порядков, с готовностью шли к верной гибели через краткий миг радости, любви, полноты счастья...

...Что бы Снегурочке не оставаться всю жизнь в лесу — с пнями и елями, с птицами и лешими? Но нет, ее тянет к людям, где жизнь кипит, где тепло и привольно звучат песни Леля. И если первая тема «лесной» Снегурочки («с подружками по ягоды ходить...») — это ледяная капля, чистая и звонкая, то обращение ее к матери-Весне («Слыхала, мама...») проникнуто волнением, тоской по неизведанному.

Среди людей нельзя жить с холодным сердцем. Все вокруг радуются, страдают — живут полной жизнью, и только Снегурочке чужды волнения, чужды желанья. Лелю не нужен сорванный ею цветок, не нужен ее холодный поцелуй. Обида и грусть наполняют ее сердце, но не Лель пробуждает ее к жизни. Ведь Лель сам чем-то сродни Снегурочке (и наигрыши Леля интонационно близки первой теме Снегурочки). Девичий прислужник, безмятежный и беспечный, он щедро расточает теплоту своей души, свое искусство всем — и никому больше всех. Купаву, брошенную и оскорбленную, ему жаль, поэтому справедливый и добрый Лель выбирает ее на празднике. Нет, не светлый Лель пробуждает в сердце Снегурочки тоску по любви, а Мизгирь, живая плоть и кровь, его страдания и мучения, его бурные взрывы, угрозы и моления, готовность большого и сильного рабски склониться перед ней девочкой Снегурочкой. Вот это и есть жизнь — не ясные лелевы песенки, которые первые позвали ее к жизни, — это был только порожек жизни, — а большие радости и большие страдания, чувства, что клокочущие «волны у острова Гурмыза»...

И Снегурочка, изведав самое чистое и красивое из человеческих чувств, расплачиваясь жизнью за «сладкий дар любви», с истомой и блаженством покоряется всемогущему Яриле-Солнцу.

Ее таяние — это не смерть, это растворение в огромном чувстве, отдача себя теплу, свету, радости, торжество источника жизни — Солнца, под лучами которого гибнет все неживое и холодное.

Глубокий оптимизм заключен в этом конце.

Именно в таком ключе, светлом и радостном, решен спектакль, поставленный режиссером Е. Минаковой. Внимательно вчитываясь в музыкальный текст и обнаружив, что он весь «пропитан» образом Снегурочки, ее темами, режиссер пронизывает весь спектакль судьбой главной героини. Четко прочерчивая таким образом «сквозное действие», Минакова добивается прозрачной ясности, целеустремленности в раскрытии всего комплекса идей произведения.

Вначале Снегурочка — М. Малий роняет легкие и холодные звуки своего первого ариозо, и глаза ее блестят, как две льдинки, даже в ее походке и движениях есть что-то от скованной грации ледяной куколочки. Ничто не может вывести ее из этого состояния, даже обида на Леля, бросившего наземь ее цветок. Но вот перед ней разыгрывается трагедия брошенной Мизгирем Купавы, которая мечется от горя, заклиная то пчел, то шмеля помочь ей в беде. Снегурочка застывает от удивления, все вокруг